

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 1 (091)

О.Г. Мазаева

**К ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
Г.Г. ШПЕТА (ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА)**

Даётся обзор 25-летней истории исследования творческого наследия Г.Г. Шпета в России и за рубежом, при этом особое внимание уделяется проблемам его философии языка, а также их обсуждению на Пярых Шпетовских чтениях в Томске (2008).

Ключевые слова: Густав Шпет, философия языка, феноменология, герменевтика, семиотика.

История исследования творческого наследия Г.Г. Шпета невелика, около 25 лет. Публикации его трудов, переводы текстов, диссертационные исследования, монографии, сборники статей, семинары, конференции – всё это запоздалая дань памяти философа и попытка связать прерванную нить, соединяющую век нынешний и век минувший.

Конференции. В 1985 г. на конференции славистов в США одна из секций работала над изучением творческого наследия Г.Г. Шпета; в Германии (1986) прошла конференция по исследованию его творчества. В Томске в 1989 г. были проведены Шпетовские дни, а с 1991 по 2008 г. – пять международных конференций. Исследованию наследия Г.Г. Шпета были посвящены конференции в Москве (2004), Лозанне (2005), Киеве (2006), Бордо (2007), обзор конференции дан в Вестнике ТГУ. 2008. № 1 (2). Сер. Философия. Социология. Политология). Пятыми Шпетовскими чтениями в Томском госуниверситете отмечен 2008 г. Свободным университетом в Берлине 3–6 декабря 2009 г. проведена международная конференция «Забытая академия. Междисциплинарная художественная наука, феноменологическая и психологическая эстетика в России в 1920–1930-е годы», посвящённая ГАХН, где творчеству Г.Г. Шпета уделено большое внимание.

Шпетовские дни. В ноябре 1989 г. впервые в России Шпетовские дни прошли в Томске, установлена мемориальная доска на доме, где жил ссыльный Г.Г. Шпет перед последним арестом и расстрелом, в 2001 г. эту доску похитили, к 7 апреля 2002 г. была установлена новая мемориальная доска.

Со словом о Г.Г. Шпете в эти дни выступил доктор физ.-мат. наук Михаил Константинович Поливанов (внук философа). Он же вёл заседания Первых Шпетовских чтений. Своими воспоминаниями с участниками Шпетовских дней, а позднее с участниками всех пяти Шпетовских чтений, делилась Марина Густавовна Шторх (дочь Г.Г. Шпета). Татьяна Густавовна Максимова (дочь Г.Г. Шпета) прислала свои воспоминания к Пятым Шпетовским чтениям. Правнучки Г.Г. Шпета Мария Михайловна Поливанова, Екатерина Леонидовна и Анна Леонидовна Марголис принимали участие в Шпетовских чтениях в разные годы.

С 1990 г. кафедра истории философии и логики Томского государственного университета (ТГУ) и Вольный гуманитарный семинар (ВГС) присуждали премии имени Г.Г. Шпета за лучшие студенческие работы.

На Шпетовских днях было принято решение о проведении в Томске научных конференций, посвящённых изучению творческого наследия Г.Г. Шпета. Организационная работа проводилась ВГС, кафедрой истории философии и логики ТГУ.

Литератор Станислав Владиславович Божко (г. Москва), главный редактор издательства «Водолей» Евгений Анатольевич Кольчужкин (Томск – Москва), главный редактор издательства Томского университета Валентина Семёновна Сумарокова, директор Областной библиотеки им. А.С. Пушкина Нина Михайловна Барабанщикова, профессора ТГУ Борис Николаевич Пойзнер, Николай Валентинович Серебренников, доцент ТГУ Эльза Арминовна Захарова, доцент Сибирского государственного медицинского университета Елена Ивановна Кириленко, доценты кафедры истории философии и логики Евгений Васильевич Борисов, Сергей Борисович Степаненко, Ирина Андреевна Эннс и др. много сделали для того, чтобы эти конференции состоялись, а материалы этих конференций были опубликованы.

Международные конференции в Томске:

9–11 апреля 1991 г. – Первые Шпетовские чтения, издан сборник *Творческое наследие Г.Г. Шпета и современные гуманитарные исследования* – ред. О.Г. Мазаева (Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 171 с.).

В 1995 г. под редакцией Н.В. Серебренникова, составители: М.К. Поливанов, Н.В. Серебренников, М.Г. Шторх – вышла книга *Шпет в Сибири: ссылка и гибель* (Томск: Водолей, 1995. 336 с.).

14–17 ноября 1996 г. – Вторые Шпетовские чтения (грант РГНФ проект № 96-03-14008), издан сборник *Г.Г. Шпет / Comprehensio. Творческое наследие Г.Г. Шпета и современные философские проблемы* – ред. О.Г. Мазаева (Томск: Водолей, 1997. 256 с.). Кроме того, к конференции приурочено переиздание книги Г.Г. Шпета *Явление и смысл. Феноменология как основная наука и её проблемы* (Томск: Водолей, 1996. 192 с.), послесловие доц. каф. Е.В. Борисова: *«Явление и смысл» Г. Шпета в контексте развития феноменологии Э. Гуссерля*.

7–9 апреля 1999 г. – Третьи Шпетовские чтения (грант РГНФ проект № 99-03-14002), издан сборник *Г.Г. Шпет / Comprehensio. Творческое наследие Г.Г. Шпета и философия XX века* – ред. О.Г. Мазаева (Томск: Водолей, 1999. 232 с.).

14–17 ноября 2002 г. – Четвёртые Шпетовские чтения (при поддержке МИОН), издан сборник *Творческое наследие Густава Густавовича Шпета в контексте философских проблем формирования историко-культурного сознания (междисциплинарный аспект). Г.Г. Шпет / Comprehensio. Четвёртые Шпетовские чтения* – отв. ред. О.Г. Мазаева (Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 596 с.).

1–5 декабря 2008 г. – Пятые Шпетовские чтения, при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, проект № 08-03-14027 г.), Совета по грантам Президента РФ (проект № НШ-5887.2008.6) издан сборник *Творческое наследие Густава Густавовича Шпета в контексте современно-*

го гуманитарного знания. Г.Г. Шпет / *Comprehensio*. Пятые Шпетовские чтения – отв. ред. О.Г. Мазаева (Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009).

Желание участвовать в Пятых Шпетовских чтениях выразили 67 исследователей, из них – 19 докторов и 39 кандидатов наук, в том числе 6 докторантов; 14 городов РФ представляли 29 участников конференции, дальше зарубежье – 8; ближнее – 1. На Четвёртых Шпетовских чтениях в 2002 г. участие в конференции приняли 11 докторов и 41 кандидат наук.

Глубокий анализ творчества Г.Г. Шпета провела в своём докладе на пленарном заседании Анна Хан (Венгрия), основательное исследование идей Г.Г. Шпета представили зарубежные коллеги: М. Денн (Франция), М.К. Гидини, М. Вендитти, Д. Оттавиано (Италия), П. Штайнер (США), Г. Тиханов (Великобритания), И. Инишев (Литва). Большой интерес и множество вопросов вызвали доклады Т. Щедриной, И. Михайлова (Москва), Ю. Орловой, Д. Разеева, Г. Тульчинского (Санкт-Петербург); А. Савина (Ханты-Мансийск), Е. Наймана, М. Евстропова, Н. Серебренникова, Е. Сухановой, О. Мазаевой (Томск) и др. Дискуссия на круглом столе, вызванная докладами Е. Борисова и В. Ладова (Томск), была продолжена в выступлениях исследователей из Новосибирска Д. Винника, Н. Головки, А. Хлебалина и др.

Студенты и преподаватели Томского университета 5 декабря с большим вниманием и интересом слушали воспоминания дочери Г.Г. Шпета Марины Густавовны Шторх. Она передала в дар томичам для экспозиции Литературного музея города Томска (ул. Шишкова, 10) личные вещи Г.Г. Шпета, за что мы ей очень благодарны. Об архивах Г.Г. Шпета, публикациях его трудов, своих книгах о творчестве Г.Г. Шпета рассказала студентам и преподавателям на презентации книг Г.Г. Шпета и своих исследованиях его творчества доктор философских наук Татьяна Щедрина (Москва). С докладом об исследовании философии Г.Г. Шпета за рубежом выступила доктор наук из Будапешта Анна Хан.

Во время конференции кинодокументалист и режиссёр Янош Домокош, Каталин Эгереш (докторантка Анны Хан из Института славистики и балтистики Будапештского университета), вели съёмки фильма (уже готова часовая версия), посвящённого подвижнической деятельности по сохранению памяти об отце Марины Густавовны Шторх. Они собрали также большой кинодокументальный материал в Москве и Томске по исследованию творчества Г.Г. Шпета. Каталин Эгереш и Янош Домокош брали интервью у родственников Г.Г. Шпета в Москве, у участников конференции в Томске, снимали заседания, беседы, поездку к дому, в котором во время ссылки жил Г.Г. Шпет, экскурсии по музею «Томская тюрьма НКВД» и Литературному музею, где представлены материалы о Г.Г. Шпете. С февраля 2010 г. Янош Домокош, Каталин Эгереш и Анна Хан приступают к работе над этим фильмом. Оба фильма будут переданы в ТГУ.

Ряд телекомпаний Томска вели съёмки пленарного заседания, дали в своих передачах сообщение о Шпетовских чтениях. В газете «Томский Вестник» опубликовано интервью с М.Г. Шторх.

К конференции на философском факультете был оформлен стенд с информацией о жизни, творчестве и трагической гибели Г.Г. Шпета. Во время конференции была организована выставка трудов Г.Г. Шпета и о нём из фон-

дов Областной научной библиотеки им. А.С. Пушкина и материалов Шпетфонда. Шпетфонд пополнился новыми отечественными и зарубежными изданиями трудов Г.Г. Шпета (также и научными исследованиями) на русском, английском, французском, хорватском языках.

Публикации и переводы трудов Г.Г. Шпета, исследования его творчества в 1970–2000-е годы осуществлялись в Москве, Томске, Иваново, Будапеште, Киеве, Стэнфорде, Париже, Тулузе, других городах. В 2008 г. на французском языке вышли в свет материалы конференции в Бордо 2007 г. В 2009 г. Галин Тиханов (Манчестер) составил и издал в США сборник статей о творчестве Г.Г. Шпета (*Gustav Shpet's Contribution to Philosophy and Cultural Theory / Edited by Galin Tihanov. Purdue University Press West Lafayette, Indiana. 322 p.*). В Москве выходит в свет коллективная монография по идейному наследию философа. Все эти издания переданы в Шпетфонд.

Переводы. Труды Г.Г. Шпета переводятся на английский, венгерский, итальянский, немецкий, французский языки. Эрика Фрейбергер-Шейхольесами (США) в 1970–1980-х годах перевела (по нашим сведениям) на английский и немецкий языки книгу Г.Г. Шпета «Явление и смысл» (этот перевод при её жизни не был опубликован). На английский язык она же перевела книгу «Герменевтика и её проблемы», перевод распространялся среди участников конференции в Германии (1986). Пётр Штейнер /Peter Steiner/ (Университет, Пенсильвания, США) сообщил, что английский перевод книги Г.Г. Шпета «Явление и смысл» был сделан Томасом Неметом и издан в Голландии в 1991 г. П. Штейнер написал также, что у него есть рукопись английского перевода книги Г.Г. Шпета «Герменевтика и её проблемы», авторы перевода *Gerge Kline i Erika Freiberger-Sheikholeslami* (вторая часть фамилии – по мужу, её муж был из Ирана). **Этот перевод не издан. «Может ли какое-нибудь русское издательство могло бы им заинтересоваться?» – спрашивает П. Штейнер.** Про немецкий перевод «Явления и смысла» он ничего не знает.

Свидетельством серьёзного научного внимания к творчеству Г. Шпета являются выпуски учёными Будапештского университета журнала *Геликон* – № 1–2 (1978), № 2 (1983), № 3 (1997), где помещены исследования и переводы на венгерский язык некоторых глав из книг Г.Г. Шпета «Явление и смысл», «Герменевтика и её проблемы», «Внутренняя форма слова». Большую работу провели *István Gránicz, Lajos Nyirö, Anna Han*. Анна Хан, глубокий исследователь творчества Г. Шпета и Б. Пастернака, дважды была на Шпетовских чтениях в Томске, в 2007 г. блестяще защитила докторскую диссертацию и в этом же году получила в Венгрии звание «Русист года».

В статье об изучении наследия Г.Г. Шпета во Франции (Четвёртые Шпетовские чтения в Томске) *Мариз Денн* писала, что она вместе с *Жаклиной Бойер* и *Французой Тенн* переводит на французский язык книгу Г.Г. Шпета «Явление и смысл» (1914). Работа над этим переводом продолжается. *К конференции 2007 г. в Бордо на французском языке* была издана книга Г.Г. Шпета «Внутренняя форма слова» (1927) – перевод *Николаса Завьялова*, предисловие *Мариз Денн*. Событие это – своевременное и знаменательное. Исследование истоков русского структурализма и семиотики во многом связано с деятельностью Г.Г. Шпета в 20-е годы, с идеями, которые, прежде всего, со-

держатся именно в этой книге, в других его трудах, трудах сотрудников ГАХН. Эти идеи повлияли на Романа Якобсона, развивавшего их со времён Московского лингвистического кружка (1919–1920 гг.). Эти идеи Г.Г. Шпета обсуждались докладчиками и участниками дискуссий на конференции в Бордо. Обзор ранее вышедших зарубежных переводов работ Г.Г. Шпета и исследований его трудов дан нами в предисловии к сборнику «Третьи Шпетовские чтения в Томске». Из Франции поступили в Шпетфонд две книги Мариз Денн по феноменологической проблематике и её восприятию в России (на французском языке).

Публикации с конца 70-х годов до конца XX в. были немногочисленны. Это републикации трудов Г.Г. Шпета, а также первые публикации ряда его работ, писем, хранящихся как в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, так и в семейном архиве. Большую работу по подготовке работ философа к печати провели его родственники: Елена Владимировна Пастернак, Михаил Константинович Поливанов (внуки Г.Г. Шпета), а также его дочь – Марина Густавовна Шторх.

В 90-е годы XX в. в журналах *Начала* (гл. ред. Н.В. Скоробогатько), *Логос* (гл. ред. В.В. Анашвили) публиковались и комментировались работы Г.Г. Шпета, статьи по его творчеству, переписка с Эдмундом Гуссерлем, с русскими мыслителями. В журнале «Логос» эту работу проводили В.В. Калинин, В.И. Молчанов, И.М. Чубаров и др. В 2000-е годы вышло около 20 книг трудов Г.Г. Шпета и о нём (объёмом свыше 7500 страниц). В Москве Т.Д. Марцинковская и сотрудники Института психологии переиздали ряд работ Г.Г. Шпета и исследований о нём. В.П. Зинченко опубликовал книгу о Г.Г. Шпете. В Москве в 2002 г. появилась публикация диссертации Г.Г. Шпета и материалов к ней «История как проблема логики» под редакцией В.С. Мясникова в серии «Памятники исторической мысли». Вторая часть выходит впервые, её археографическую обработку провели Людмила Фёдорова и Игорь Чубаров, которые в 90-е годы в журналах «Начала» и «Логос» публиковали и комментировали работы Г.Г. Шпета.

Кандидатские диссертации, непосредственно посвящённые исследованию творчества Г.Г. Шпета или с достаточно основательным обращением к его трудам, защитили в Москве Т.Н. Юшманова, Л.В. Фёдорова, И.М. Чубаров, С.В. Чёрненькая, Е.В. Сальников (работа выполнена в Орловском государственном университете), Е.А. Юркштович (Минск). Т.Г. Щедрина (Москва) исследовала идеи Г.Г. Шпета как в кандидатской, так и докторской диссертациях. В Шпетфонд в 2000 г. свою диссертацию «Герменевтическая концепция в философии Г.Г. Шпета», защищённую в Москве, прислал Евгений Вячеславович Сальников. В 2000-е годы Шпетфонд получил от Александра Николаевича Портнова, профессора, доктора философских наук (Ивановский государственный университет), книгу, изданную в 1999 г., с републикацией работы Г.Г. Шпета «Внутренняя форма слова» (1927 г.), в приложении – фрагмент работы Г.Г. Шпета «Язык и смысл» и исследование А.Н. Портнова «Философия языка Г.Г. Шпета». А.Н. Портнов прислал нам также свою монографию «Язык и сознание. Основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX–XX веков» (Иваново, 1994. 370 с.), в 9-й главе которой дан анализ концепции Г.Г. Шпета. Из Киевского государственного университета

мы получили журнал, где опубликованы материалы конференции, посвящённой исследованию творческого наследия Г.Г. Шпета. За это время в Шпетфонд поступили перечисленные выше издания на русском и других языках. Многие авторы прислали свои статьи. Недавно от Г. Тиханова получен сборник, составленный им. Переданы все книги, которые подготовила, опубликовала и написала Т.Г. Щедрина. Мы благодарны родственникам Г.Г. Шпета, публикаторам его трудов, исследователям за щедрые дары в Шпетфонд. В 2000-е годы систематическую и огромную работу по публикации трудов Г.Г. Шпета ведёт *Татьяна Геннадьевна Щедрина*. С 2004 г. появилось шесть книг первого научного собрания сочинений Г.Г. Шпета в издательстве РОССПЭН (Сер. Российские Пропилеи). *Т.Г. Щедрина* – составитель и ответственный редактор этого издания. Она имеет план публикации следующих томов (примерно ещё пяти), о чём доложила участникам конференции. Сейчас идёт работа над седьмым томом этого издания. Всё это позволяет надеяться на появление в недалёком будущем полного академического собрания сочинений Г.Г. Шпета.

7 апреля 2009 г. исполнилось 130 лет со дня рождения Г.Г. Шпета. К этой дате в № 4 журнала «Вопросы философии» (2009) появились статьи Н.С. Плотникова, И.М. Чубарова; в № 6 (2009) помещена статья Т.Г. Щедриной. В 2009 г. вышла в свет коллективная монография *Густав Шпет и его философское наследие: у истоков семиотики и структурализма* – научн. ред. Т.Г. Щедрина (М.: РОССПЭН, 2009). Участники Пятых Шпетовских чтений считают, что **необходимо отметить мемориальной доской в Москве в Брюсовском переулке дом № 17** (тогда он был под этим номером). В этом доме Г.Г. Шпет жил перед ссылкой.

Пятые Шпетовские чтения продолжают сложившуюся традицию обращения к исследованию разных сторон творческого наследия Г.Г. Шпета, к развитию многих идей, инициированных им. В сборнике по итогам конференции представлены статьи. Опубликованы приветствие к исследователям Татьяны Густавовны Максимовой-Шпет, воспоминания её и Марины Густавовны Шторх (участницы конференции) об аресте отца, эссе Станислава Владиславовича Божко (Москва) *Гегель в Сибири. Густав Шпет: ссылка и гибель*. В приложении даны материалы, поступившие для обсуждения на круглых столах по теории значения в современном познании (где значительное место отведено соотношению аналитической философии языка и феноменологии); феноменологии и герменевтике; по проблемам эстетики; этнической психологии; истории русской философии.

Обсуждение проблем философии языка в творчестве Г.Г. Шпета доминировало на конференциях в Лозанне (2005), Бордо (2007), Томске (2008). Философия языка фокусирует различные проекты Г. Шпета. В работах 1914–1916 гг. с переходом к герменевтической проблематике он обращается к различным аспектам философии языка. В *Герменевтике* (1918) Г.Г. Шпет исследовал проблему понимания от Оригена до В. Дильтея и Г. Зиммеля, уделил внимание новаторству философских идей ряда философов, в том числе Т. Рида, который способствовал развитию лингвистической философии. Уже в *Герменевтике* настоятельно звучит мотив «внутренней формы слова», став-

ший титульным в работе 1927 г. и лейтмотивным в дальнейшем творчестве философа.

В гуманитарном познании, особенно в области философии языка, издавна идут дискуссии, длящиеся во времена Г.Г. Шпета, незавершённые до сих пор: о соотношении герменевтики и феноменологии; феноменологии и аналитической философии; сознания и языка; об эпистемологических и когнитивных аспектах соотношения философского, конкретно-научного, обыденного языка в свете современных исследовательских поисков. Обсуждаются вопросы о сути и методологической роли лингвофилософских идей, идей «глубинной семиотики»; даётся прояснение понятий «знак», «значение», «смысл» как Г. Шпетом, так и современными исследователями. Обращается внимание на то, что Г. Шпет делает выбор в пользу истории как основной науки (т.е. модели знания, эпистемологически обосновывающей гуманитарные дисциплины, – М.К. Гидини) и отказывает психологии в получении этого статуса. Заметим здесь же, что вопросы об отношении философии и психологии в трансцендентально-феноменологическом познании, о непосредственном и опосредованном знании, другие вопросы, по которым разворачивались дискуссии во времена Г. Шпета, имеют далеко не антикварное, а вполне актуальное значение.

«Шпет предвосхитил многие сюжеты дальнейшего романа философии с языком...», – пишет **Л.А. Гоготишвили** (ИФ РАН, Москва) в статье *Ранний Шпет: мотивация и цели поворота феноменологии к «языковому сознанию»*. Она отмечает далее, что Г. Шпет «делал как раз то, что сейчас интересует когнитивную лингвистику, ищущую компромисса между аналитикой и феноменологией: смотрел на язык сквозь призму сознания, а на сознание – сквозь призму языка. В остро, последовательно и парадоксально развиваемой мысли Шпета может обнаружиться как источник энергии для искомого... взаимного компромисса, так и свидетельства в пользу его принципиальной невозможности». Выделив три этапа в постижении Г. Шпетом социальной реальности через язык: ранний, лексико-семантический, поздний ориентированный синтаксически-предикативно и динамически, а также «срединный» – «колеблющийся», автор статьи анализирует идею раннего Шпета о «первичной данности социальной предметности через язык».

Действительно, «*Шпет предвосхитил...*» многое. В современной философии языка можно найти как стремление к углублённому изучению отдельных проблем аналитической философии или феноменологии, так и попытки указать на возможность сопряжения их взаимных усилий.

Дискуссия по теории значения в XX в. Идеи, высказанные здесь, большей частью сосредоточились на достижениях современной эпистемологии, как правило, в пределах аналитической философии. Прелюдией к нынешней дискуссии можно считать *статьи* ведущего «круглый стол» по теории значения *В.А. Суровцева* (ТГУ, Томск. Вторые чтения, сборник 1997 г.) и *В.А. Ладова* (Третьи чтения, 1999 г.). Оба работают в традиции аналитической философии. Но вряд ли стоит считать, что феноменология – «преходящая и убывающая величина», от которой со временем можно отказаться, думается, что не все её ресурсы исчерпаны, а может быть, даже и выявлены. Критика позиции Э. Гуссерля Г. Шпетом и М. Хайдеггером привела их к герменевтике. Позже имманентная критика феноменологии имела своим результатом уход

Генриха Ромбаха в создаваемую им «герметику», а Эрнста Тugendхата в аналитическую философию (Д. Разеев). Есть ли, будет ли движение от аналитической философии к феноменологии или произойдёт усвоение их теоретических и методических результатов в новой философии – покажет время. Пока же есть основания для выводов и о размежевании, и о возможности совместных изысканий.

Е.В. Борисов (ТГУ, Томск), рассматривая *Теорию значения Хайдеггера – Витгенштейна*, показал, что противопоставление аналитической и феноменологической философии неправомерно, обе теории дают идентичные результаты и продуктивно дополняют друг друга. Компаративный анализ этих теорий возможен ввиду сходства ряда их основных характеристик (прагматический поворот в теории значения; слияние онтологии и теории значения; десубъективация трансцендентальной установки; перформативистская трактовка значения). Комплементарность теорий позволяет решить ряд проблем. Так, деструкция трактовки значения как универсалии у Витгенштейна и хайдеггеровское учение о продуктивности понимания дают возможность устранить радикальный семантический скептицизм Крипке.

В.А. Ладов (ТГУ, Томск) в докладе *Возможно ли постметафизическое мышление?*, – давая критику теории значения Хайдеггера – Витгенштейна, указал на трудности логического и эпистемологического характера данной теории. Для пересмотра её основных тезисов докладчик использовал аргумент от автореферентности патнемовского типа, известный в аналитической философии под названием «Мозги в бочке». Он пришёл к выводу, что поздний Витгенштейн не избежал субстантивистского пафоса, средствами которого предложил решить вопрос о значении языкового выражения, а ранний Хайдеггер, утверждая приоритет практической ориентации в мире перед теоретическим мышлением, сам этот тезис дал в рамках теоретической установки. Обосновать несостоятельность субстантивистских претензий постметафизическому мышлению, стало быть, не удалось, заключает автор, и успешность этих попыток сомнительна.

Д.В. Винник (ИФиП СО РАН, Новосибирск) в докладе: *Онтологический статус чувственных данных в современных формах недуализма* – называет наряду с множеством форм несубстанциального дуализма XX в. его скрытые формы. Все они опираются на аргументацию антиредукционистского характера. Онтологизация чувственных данных в них возможна, считает докладчик и, как следствие методологических положений (выбор типа редукции), и как следствие предпосылок неметодологического характера – маскировка концепции под доминирующие в философском сообществе представления или же как стремление опереться на религиозные и идеологические основания.

Н.В. Головки (ИФиП СО РАН, Новосибирск) в докладе *Натурализованная семантика: основные проблемы и перспективы* охарактеризовал сложность анализа последствий натурализации семантики. С точки зрения семантического реализма ключевой является проблема указания. Предполагается, что отношение «язык – мир», которое мы задаем как указание, значимо только в объяснении. Однако традиционные проблемы семантики с указанием, такие как «догма непосредственного указания», проблема полноты указания или «картезианская догма», остаются. Решение их автор усматривает в разде-

лении нормативной и дескриптивной задач семантики, в более внимательном анализе оснований натурализованной семантики, т.е. экстернализма и тезиса о локальном характере указания.

Н.А. Тарабанов (ТГУ, Томск) в статье *Является ли «истинно» избыточным предикатом?* пишет: приверженцы теории избыточности истины (разновидность дефляционной теории) правы, что делать утверждение и приписывать ему истинность одно и то же. Но это не значит, что слово «истинно» – логически избыточное, пустое понятие. Именно из *истинных* посылок дедуцируют *истинные* заключения. Конечно, можно было бы сомневаться в оправданности процедуры логического вывода и, как следствие, в оправданности использования истинностного предиката, но чтобы дальнейшее обсуждение вообще имело какой-либо смысл, необходимо признать, что, делая утверждение, мы так или иначе стремимся констатировать его истинность.

А.В. Хлебалин (ИФиП СО РАН, Новосибирск) в докладе *Раскавычивание и истина: обоснованность дефляционистской интерпретации* опирается на семантическую теорию истины А. Тарского, считая её основанием решения проблемы истины в XX в. Далее идёт перечень требований, которым должна соответствовать теория истины. Особое значение при построении адекватного определения истины приобретает процедура раскавычивания. Она, являясь техническим средством, не свободна от семантических предпосылок, которые обуславливают трактовку семантического и метафизического статуса понятия истины. Сведение трактовки корреспонденции к процедуре раскавычивания, пишет автор, является одним из оснований дефляционистской трактовки истины. Но применение процедуры раскавычивания не влечет с необходимостью принятия «ортодоксальной» дефляционистской позиции.

Е.Н. Суханова (ТГУ, Томск) в статье *О стросоновском различии описывающей и исправляющей метафизик* пытается сопоставить позиции современного оксфордского философа-аналитика Питера Ф. Стросона и Густава Шпета. В заключение статьи она пишет: «...легче перечислить пункты отличий, чем назвать сходства двух позиций. Описывающая метафизика и положительная философия, исправляющая метафизика и негативная философия не тождественны. Шпет и Стросон согласны в том, что цель философствования – описание сущего в целом. Шпет и Стросон одинаково не приемлют скепсис относительно возможности достижения этой цели. Аналитическая философия и феноменология имеют много точек пересечения, однако к такому не относятся названные дистинкции. Деления философии на два вида, представленные Шпетом и Стросоном, проведены по разным основаниям, мотивированы разными контекстами».

Что ж, отрицательный результат тоже результат. Стросон, по-видимому, более озабочен различиями, имеющимися в аналитической философии языка, а не выяснением параллелей или пересечений её и феноменологии.

Обратим внимание на следующее решение заявленной в диспуте темы и этим обнадёживающем выводом о возможности совместного «феноменологически-аналитического» исследования завершим обзор дискуссии по теории значения и по вопросу о соотношении аналитической философии языка и феноменологии.

И.Н. Инишев (ЕГУ, Вильнюс, Литва), в статье *Феноменология и языковая прагматика: мотив медиальности и перформативности в современной философии языка*, рассматривая разнонаправленность тематического развития аналитической и феноменологической философии языка, замечает, что «феноменология продвигалась от проблематики (восприятия) мира к проблематике языка (коммуникативного опыта), а аналитическая философия проделывала этот путь в обратном направлении». Он считает эвристически значимой «*обратимость этих перспектив*». Она может быть «путеводной нитью» для пересмотра традиционного понимания соотношения мира и языка, назревшего в аналитической теории значения, и позволяет ставить задачу возможного кооперативного – «феноменологически-аналитического» – исследования.

Другие аспекты и идеи философии языка Г.Г. Шпета, которые присутствуют в его основополагающих произведениях, обнаруживаются как в его феноменологии, так и при переходе от феноменологии к социальной онтологии, герменевтике, к идеям семиотики, структурализма, в его анализе отдельных областей гуманитарного знания: истории, эстетики, литературоведения, этнопсихологии и т.д.

Е.А. Найман (ТГУ, Томск) в докладе на пленарном заседании отметил, что Шпет пытался предложить достаточно сложную модель соотношения лингвистического и социального, которая бы содержала социологические и семиотические объяснения, он «предвосхитил ряд теоретических положений британского социолингвистического функционализма, социальной семиотики и вариационной социолингвистики».

Свидетельством «живой жизни» философии Г.Г. Шпета (его феноменологии) являются прочтение авторами статей сборника Пятых чтений его произведений в свете современных проблем семиотики, когнитивистики, эпистемологии (Б.Н. Пойзнер, Г.Л. Тульчинский, Т.Г. Щедрина и др.), обращение к исследованию психологии, особенно к проблеме соотношения непосредственного и опосредованного (В.П. Зинченко, Ю.О. Орлова, Д.Н. Разеев), к темам «генетической феноменологии» (А.Э. Савин), «радикализации феноменологических установок Г. Шпетом и Э. Левинасом» (М.Н. Евстропов), к проблемам построения языка философии (Н.С. Автономова) и др.

Б.Н. Пойзнер (ТГУ, Томск) в статье *Проблема описания «метаморфоз смысла» с позиции фрактальной семиотики* называет «этюд» Г.Г. Шпета «Искусство как вид знания» (1927) эпистемологическим. Он полагает, что «Г.Г. Шпет одобрил бы «параллаксное видение» как полезную интеллектуальную схему, а фрактальная концепция была бы им подхвачена». Когнитивная доктрина Г.Г. Шпета пишет он, не связанная с фрактальной семиотикой генетически, методологически родственна ей, иллюстрирует её, что доказывает силу типа мышления, названного в конце XX в. синергетическим.

Г.Л. Тульчинский (ГУ ВШЭ, СПб) в докладе *Г.Г. Шпет: перспектива логики содержания (смысла)* отмечает, что ряд логических идей Г.Г. Шпета разрабатывался в русле «глубокой семиотики». Эта традиция ориентируется «на анализ процессов смыслообразования, т.е. именно содержательных характеристик и отношений, включая личностный фактор». Особое внимание уделяется взглядам Г. Шпета на внутреннюю форму слова, говорится о значении герменевтики в познании: «осмысление (смыслообразование) как «вы-

ращивание» смысла – суть вывернутая лента Мебиуса культуры, «чужой во мне»... культура есть место возникновения и развития разума. В этом плане герменевтика у Г. Шпета предстает эффективным инструментом познания».

Т.Г. Щедрина (МГПУ, Москва), представляя *Проблему тематического единства русской философии в контексте интеллектуального наследия Густава Шпета*, связывает её с разработкой такого феномена, как «архив эпохи», куда входит со стороны архива Шпета. В последнем она видит не только философа, ученого, писателя, переводчика, но и профессионального модератора философского и научного знания. Его архивное наследие позволяет ей эксплицировать эпистемологическую сферу русского интеллектуального общения начала XX в. в свете современных исследований. Для современной эпистемологии (в том числе и в ее проекции на аналитическую традицию), пишет она, интересно понять, как Шпету удастся пройти между крайними точками (абсолютизации и релятивизации), сохраняя при этом саму идею исторического единства научного знания и сознания.

В.П. Зинченко (ГУ ВШЭ, Москва) в статье *Культурно-философские истоки проблемы непосредственности* рассматривает непосредственность и опосредованность как равно необходимые уровни развития и функционирования психики и сознания. Его главный интерес сосредоточен вокруг темы феноменологической редукции и соотношения опосредованного и непосредственного. Движение размышлений автора статьи направлено от психологии к философии.

Ю.О. Орлова (СПбГУ, Санкт-Петербург) в статье *Проблема психологии в трансцендентально-феноменологической теории познания: отношение к психологии в философии Канта, неокантианстве и в феноменологии* исследует вопрос о статусе психологии в философии И. Канта, П. Наторпа, Эд. Гуссерля. Гуссерль использовал термины Канта, «в особенности же, – ведущее понятие трансцендентального», при помощи которого осуществляется феноменологическая дескрипция. Гуссерль считал также, что Кант должен был «провести исследование сферы методологических предрассудков», без чего остаются скрытыми, но действующими объективистские установки философии Нового времени. П. Наторп отводил психологии «место особой субъективирующей науки, которая не может претендовать на статус априорной объективной науки». В историко-философском экскурсе соотношение опосредованного и непосредственного даётся через тему интенциональности и априорности применительно к психологии. Гуссерль понятие психологии связывает «с анализом ведущей проблемы феноменологии – проблемы интенциональности», полагая, что Кант вплотную подошел к трансцендентальному раскрытию этой темы. Проект интенциональной психологии, по Гуссерлю, – это «методическая реформа психологии», рассмотрение её как априорной науки. Априорный статус психологии сопоставим с априорностью логики. По Гуссерлю, априорность – принципиальная характеристика феноменологической психологии, отличающая её от кантианского и неокантианского понятия психологии.

А.Э. Савин (ЮГУ, Ханты-Мансийск) считает, что разработки Шпета в рамках генетической феноменологии, «с одной стороны, вскрывают основания смыслового генезиса «общного» мира, а с другой – выявляют генезис

конститутивных систем и самого их «носителя» – «я» <...> даже там, где Шпет говорит об «этнопсихологии», «истории» и «лингвистике», мы вправе усматривать трансцендентальное исследование генезиса конститутивных структур».

М.Н. Евстропов (ТГУ, Томск) пишет о том, что Г. Шпет и Э. Левинас осуществляют радикализацию феноменологических установок, связанных с осмыслением ими «социального бытия», оба стремятся обосновать «смысл» исходя из этого «бытия» и его существенного выражения – языка или «общения». Шпет рассматривает «бытие» под знаком «энтелехии», Левинас – «керигмы». Для Шпета «энтелехия» – «внутренний, интимный смысл», «душа» предмета (герменевтическая направленность проблематики), тогда как для Левинаса «керигма» – «провозвестие», «распространение», подчёркивание присущего «смыслу» характера движения *вовне* (коммуникативная ориентация). Далее автор статьи анализирует сходства и различия позиций Г. Шпета и Э. Левинаса.

Н.С. Автономова (ИФ РАН, Москва) в теме *Густав Шпет: проблемы построения философского языка* определяет значимыми: «принципы построения его собственного философского языка»; его оценку «исторического развития и современного состояния русского концептуального языка; перспективы соотношения конкретных практик, в которых вырабатываются специально-научные понятия с языком философским».

Герменевтическая проблематика Г. Шпета, как всегда, была многообразно представлена в статьях и докладах участников конференции. В истории философии возникновение феноменологии и герменевтики рассматривается как формирование двух независимых традиций, встретившихся в XX в. В случае Г. Шпета можно увидеть, что его онтологический поворот, проращивание герменевтической проблематики связаны с критическим осмыслением им феноменологических идей. На «Гуссерлевы импульсы» концепции «истинности вещи» обращает внимание Д.Н. Разеев. В то же время для Шпета Гуссерль и Дильтей воплощают два полюса – феноменологию и герменевтику, к которым он критически обращается, используя их как обоюдный корректив (М.К. Гидини). Феноменология Гуссерля – катализатор для поворота к онтологии и философии языка не только Г. Шпета, но и М. Хайдеггера, Э. Левинаса, Г. Ромбаха и других философов.

Дж. Оттавиано (университет «Рома Тре» Рим, Италия) остановилась на текстуальном сопоставлении работы Г.Г. Шпета «Явление и смысл» с трудами Эд. Гуссерля, при этом она выявляет достоинства идей Шпета, предвосхищавшие дальнейшие искания герменевтики. В рамках феноменологии языка ею дан анализ шпетовского «узрения смысла», взятого как переживание (Erlebnis), которое рассматривается как выражение и значение.

М. Денн (Университет Бордо-3, Франция) в статье *Новый взгляд на герменевтику через творчество Густава Шпета* пишет, что дискуссии о роли и месте герменевтики, в её соотношении с феноменологией в трудах Г.Г. Шпета, остаются актуальными. В исследовании *Явление и смысл* он реализовал подход, который объединяет феноменологию и герменевтику. Понятия *смысл* и *значение*, взаимозаменяемые у Гуссерля, Шпет четко *разграничивает*, он *соотносит смысл с чувственной интуицией*, *значение – с эйдетической ин-*

туицией, энтелехию, «внутренний смысл» – с интеллигибельной интуицией. Позже он реже обращается к феноменологии, фундамент его исследований – герменевтика, решаются вопросы: как выражение приобретает смысл, слово становится знаком идеи, а язык обеспечивает коммуникацию. Именно герменевтический поиск смысла выступает причиной, побудившей Шпета обратиться к исследованию *История как проблема логики*.

И.А. Михайлов (ИФ РАН, Москва) в докладе *Пути Г. Шпета к «герменевтической философии»* выдвигает и обосновывает гипотезу о возможной «синтезирующей идее», которая могла бы объединить его многогранные философские интересы. Эта идея являет программу «герменевтической философии», к ней ведут разные пути. Один из них – выяснение взаимоотношений онтологии и логики – завершается конкретизацией идеи «предмета» и «чистоты», выводом о невозможности мыслить «чистый предмет» помимо знака, слова. Другие пути обоснования философии как «динамической и герменевтической» представлены Шпетом в рассмотрении истории развития герменевтических идей («Герменевтика и ее проблемы»), в проекте реформы логики («Язык и смысл», ориентация на «целостность»), а также в его работах по эстетике.

А.Н. Яцук (Сиб. ГМУ, Томск) в докладе *Границы понимания в герменевтической концепции Г.Г. Шпета* утверждает, что магистерская диссертация Шпета символически выражает внутреннюю форму его творчества. Принципиальным для герменевтической позиции Шпета стало отграничение *понимаемого* – направленного исключительно на смысл; *от экспрессии* – сопровождающей передачу смысла. В книге «Внутренняя форма слова» видно движение от логики к поэтике. «Внутри» экспрессии он теперь допускает «отношение, аналогичное внутренней поэтической форме, способное быть фундаментом новых отрешающих преобразований». Обсуждение «экспрессивной символики» слова, выводит за пределы дихотомии понимаемого смысла и «чуждой» экспрессивности автора, что открывает возможность конструктивного диалога разных герменевтических традиций.

Д.Н. Разеев (СПбГУ, Санкт-Петербург) в статье *От истинности вещи к истинности высказывания* рассматривает герменевтику как научную установку, *альтернативную* методической, что не означает её не- или венаучности. Этот тип научного знания апеллирует к понятию истины, которое в противовес концепции *истинности высказывания* можно назвать концепцией *истинности вещи*, имеющей своим истоком «не Дильтеевы, а Гуссерлевы импульсы». Разбирается вопрос о связи *истинности* с непосредственным и опосредованным в опыте. Последовательная имманентная критика феноменологами второй половины XX в. – Эрнстом Тугендхатом и Генрихом Ромбахом в отношении «вещного» понятия истины герменевтики, привела Тугендхата к аналитической философии, Ромбах же разработал альтернативную герменевтику философскую герметику. Траектория герменевтического постижения не исчерпывается переходом *от истинности вещи (Гуссерль) к истинности высказывания (Хайдеггер)*, предлагается учесть указание Ромбаха на герметику, когда поиск полноты смысла, содержащегося в понятийном строе речи (в высказывании), увязывается с движением к образному способу мышления.

Авторы статей и докладов, посвящённых герменевтической проблематике, анализируют круг вопросов, заявленных Г.Г. Шпетом в «Эстетических фрагментах». Эта работа рассматривается в более широком, чем прежде, историческом (связанном с деятельностью ГАХН, дискуссиями 20-х годов, современными дискуссиями) и смысловом контекстах.

Мария Кандида Гидини (Парма, Италия) в статье *Философии жизни и шпетовское наследие у авторов ГАХН* пишет о том, что, несмотря на критическое отношение к идеям немецких философий жизни рубежа XIX–XX вв. (даже осуждение их философско-виталистической риторики), интерес к ним обнаруживается и в трудах Шпета, и в деятельности ГАХН. Типологическое мышление В. Дильтея, антишпенглеровский проект Э. Шпрангера о культурной морфологии, стремление Г. Зиммеля к философии чистой видимости, примиряющей жизнь с формами ее выявления, исследуются в ГАХН. Для Шпета Гуссерль и Дильтей воплощают как бы два полюса – феноменологию и герменевтику, к которым он критически обращается, используя их как обоюдный корректив. Вслед за ними Шпет ищет основную науку – «модель знания, которая в состоянии эпистемологически обосновать гуманитарные дисциплины», обсуждает проблему приоритета психологии и истории, ввиду их связи с проблемой личности и субъективности в контексте, близком к идеям В. Дильтея. История выбирается им как основная наука в силу ее «лингвистичности и структуральности». После выхода *Эстетических фрагментов* Г.Г. Шпета в собраниях философского отдела ГАХН состоялись дискуссии. «Спор о Гуссерле» возник в связи с вопросом о семиотической функциональности языка (его отношением к предметности) и, в частности, с вкладом субъективного момента в конструирование смысла.

Микела Вендитти (Неаполь, Италия) отметила параллели, общие черты теоретических представлений Г. Шпета и О. Манделштама о поэтическом языке и об искусстве. Стиль прозы философа иногда более «барочный», чем стиль прозы поэта. Оба указывают на двойную природу самого языка: подвижность, динамичность смысла, с одной стороны, и стабильность процесса его произведения в словесном знаке – с другой. Это свойство языка как семиотическая модель отражается и в контексте философии культуры. Концепции Шпета и Манделштама близки, но это не влияние одного на другого, а участие в общей дискуссии о поэтическом языке, как главной черте русской культуры начала XX в.

Анна Мария Хан (БГУ, Венгрия) в докладе *Теория поэтического образа в концепциях Г. Шпета, Р. Якобсона и В. Виноградова: (сопоставительный анализ)* охарактеризовала сходство и различие этих концепций.

Л.Л. Горелик (СГУ, Смоленск), выявляя *Развитие шпетовских представлений о внутренней форме в эстетической системе Б.Л. Пастернака*, остановилась на рефлексии о взаимозаменяемости знака и вещи в повести последнего «Детство Люверс».

П. Штайнер (Филадельфия, США) в статье «*Эстетические фрагменты, III*» *Густава Шпета* фиксирует парадокс, который появляется при сравнении типичной академической прозы «Проблем современной эстетики» (здесь Шпетом «методично критикуются все распространенные эстетические теории того времени и предлагается – со всей серьезностью – новый семио-

тический подход к искусству») и «Эстетических фрагментов, III» – «рискованный оракульский спектакль, подчеркнуто неподходящий» (где Шпетом высмеиваются некоторые из наиболее фундаментальных принципов ученого дискурса, читателю предлагается формула, к которой нельзя отнестись серьезно, где объектом пародии оказывается... «сам Шпет – его собственная манера теоретизирования... его склонность к терминологическому педантизму и стремление к максимальной точности»). Но если третья часть «фрагментов» – самопародия, то «каково значение подобного театрального жеста?». Это не карнавальный смех, о котором писал М.М. Бахтин, «сдержанная улыбка Шпета выглядит отстраненной, интеллектуальной и безрадостной». Она ближе к «*gisus rigus*», высшему смеху, ...как называл его С. Беккет: «одним словом, смех, который смеется... над тем, что несчастно».

Участники конференции рассмотрели философские взгляды Г.Г. Шпета в сопоставлении с позициями Г.Г. Гадамера, Э. Левинаса, М.М. Бахтина, А. Белого, Вяч. И. Иванова, Ф.А. Степуна, Б.В. Яковенко (доклады В.М. Даниленко, М.Н. Евстропова, А.П. Казаркина, О.Г. Мазаевой, С.Г. Сычёвой, И.А. Эннс и др.), обратили внимание на значение идей Г.Г. Шпета для современных лингвокультурологических и этнопсихологических исследований. Так, **Е.И. Кириленко** (Сиб. ГМУ, Томск) в докладе о культурфилософском подходе к языковым феноменам показала, как идеи В. Гумбольдта и Г.Г. Шпета могут быть реализованы в современной лингвокультурологии. **Ю.С. Осаченко** (ТГУ, Томск) рассмотрела вопрос о тематизации мифа в контексте коммуникативной онтологии. **К.А. Семенюк** (Сиб. ГМУ, Томск), анализируя эстетическую ситуацию середины XX в. во Франции, выявила своеобразное соединение языка искусства и языка критического дискурса. **И.Ю. Гурьева** (ТПУ, Томск) остановилась на проблеме соотношения теории и практики исторического познания в творчестве В. Дильтея. **Н.А. Колодий** (ТПУ, Томск) обратилась к вопросу о применении феноменологического метода к проблемам истории. **М.С. Гусельцева** (ИП РАН, Москва) показала значение наследия Г.Г. Шпета для современной культурной психологии.

Несмотря на интенсивные исследования наследия философа, заметим, что пока они не завершены – как по частным проблемам философии языка Г.Г. Шпета, так и по прояснению смысла, значения и роли его работ и архивных материалов для современного гуманитарного познания, продолжение этих исследований позволит в будущем дать более точную и полную реконструкцию лингвофилософской позиции Г.Г. Шпета.